

эскадра, состоявшая из двух легионов и одной тысячи нумидийских всадников». Известно, что эскадры могут состоять только из кораблей. «Сельскохозяйственные работы носили сезонный характер» не потому, что «невыгодно было содержать рабов круглый год» (стр. 215). «Крестьянское землевладение сохранилось», очевидно, не в «Южной Италии», а в Средней и Северной, иначе не понятно противопоставление крестьянской мелковладельческой Южной Италии латифундиям той же Южной Италии (стр. 258). Алтари строили не Августу, как утверждается на стр. 407, а гению Августа, о чем пишется на стр. 431. Кто же все-таки построил Колизей: Тит (стр. 474) или он же и Домициан (стр. 538)? Надо дать правильные масштабы: в клише на стр. 214, иначе грабли выглядят как дамская шпилька рядом с серпом.

Все сделанные замечания преследуют только одну цель: содействовать улучшению этого одного из наиболее добросовестно составленных учебников.

П. Н. Тарков

«ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА» под редакцией В. В. Струве, т. I, М., Учпедгиз, 1950, 359 стр., ц. 8 р. 50 к

В издании хрестоматии подобного типа Учпедгиз имеет уже некоторый опыт, так как в 1936 г. была выпущена «Хрестоматия по древней истории» в двух томах, тоже под редакцией акад. В. В. Струве. При составлении рецензируемой хрестоматии этот опыт был учтен, и последняя, несомненно, во многих отношениях лучше старой. Значительно расширен объем хрестоматии; документы, относящиеся к истории стран древнего Востока, заполняют весь I том, что позволило увеличить количество текстов. Кроме того, все документы подобраны по одному принципу — они характеризуют социально-экономическую структуру древневосточных обществ. Памятники религиозного и литературного характера в хрестоматию не вошли. Все переводы либо проверены, либо (в своем большинстве) сделаны заново с изданий подлинных памятников.

Том начинается с предисловия акад. В. В. Струве, которое относится ко всем томам хрестоматии (к вышедшему первому тому истории древнего Востока и будущим томам по истории Греции и Рима). Поэтому академик В. В. Струве останавливается здесь на общих проблемах истории рабовладельческого строя, особенно на специфике рабовладельческих обществ древнего Востока, отличающей раннерабовладельческие государства древнего Востока от развитых рабовладельческих обществ Греции и Рима. «Первобытно-общинный строй, не подвергшийся воздействию более развитого общества, не мог миновать в своем развитии рабовладельческого способа производства» (стр. 8), — пишет В. В. Струве, характеризуя древневосточные общества как рабовладельческие и подчеркивая методологическую порочность всяких попыток определять их как феодальные (стр. 8).

Далее акад. В. В. Струве рассматривает две формы эксплуатации, существовавшие в древневосточных деспотиях, по отношению к рабам и по отношению к «земледельческому населению» сельских общин, игравших такую большую роль и бывших такими устойчивыми в течение почти всей истории стран древнего Востока. Наличие этих двух форм эксплуатации: патриархальной (по отношению к «земледельческому населению») и рабовладельческой (по отношению к рабам) — создает специфические особенности, которые отличают рабовладельческую структуру древневосточных обществ от классических рабовладельческих обществ Греции и Рима. На основании этого акад. В. В. Струве дает определение древневосточного общества, как «полурабовладельческого-полупатриархального» (стр. 9). И далее, в следующем абзаце, указывает: «Ведущей, прогрессивной на Востоке была тогда, естественно-

эксплуатация рабовладельческая. Поэтому мы вправе называть эти раннеклассовые общества, существовавшие в Азии и в Египте в древности, в эпоху, предшествующую античному миру, также и примитивно-рабовладельческими» (стр. 9). Здесь не все ясно изложено. По сути дела, даются два определения строя древневосточных обществ. Второе определение «примитивно-рабовладельческое общество» более широко и, конечно, должно было бы стоять на первом месте (без слов «также и»), а первое определение «полурабовладельческое-полупатриархальное» должно служить скорее конкретному раскрытию термина «примитивно-рабовладельческое», показывая, что в раннерабовладельческом обществе сохранились еще пережитки отношений, свойственных первоначально-общинному строю, т. е. полупатриархальные отношения.

Правильно заостряя внимание на сходстве и различии между рабовладельческими государствами древнего Востока и античного мира, автор предисловия слишком мало уделяет внимания последним. Предисловие, написанное для всей хрестоматии, все же больше относится только к первому тому.

Главное достоинство хрестоматии состоит в том, что анализ источников, помещенных в книге, позволяет читателю сделать основные выводы о социально-экономическом и политическом строе древневосточных государств в целом и о специфике каждого из них. Характерные черты рабовладельческого общества вообще и специфические особенности каждой страны выявляются при изучении таких текстов, как «Отчет надзирателя над отрядом рабов» (№ 36), «Лагерь для военнопленных женщин в Шумере» (№ 37), где перечисляются рабы, «Частноправовые документы о Вавилонской династии» (№ 41), где мы находим целый ряд актов на покупку земли и рабов, на наем рабских и аренду, что свидетельствует о наличии развитых форм частного рабовладения; «Юридические документы Нововавилонского царства» (№ 51) дают яркое представление об оживленной торгово-ростовщической деятельности вавилонских купцов в VI в. до н. э. Очень важные данные для социально-экономической истории хеттского государства дает «Дарственная грамота царя Арнуванды II» (№ 61), до сих пор еще ни разу не переведенная на европейские языки; ее перевел с подлинника специально для хрестоматии акад. В. В. Струве.

По сравнению с хрестоматией издания 1936 г. в рецензируемой книге значительно полнее даны переводы законодательных памятников Шумера, Вавилонии, Ассирии и Хеттского государства; перевод этих текстов заново переработан и уточнен. Особенно важно, что в настоящей хрестоматии дан полный перевод свода законов Хаммурапи (№ 40), в то время как в издании 1936 г. были приведены лишь отрывки из этого важнейшего источника. Вышедший в 1914 г. полный перевод этих законов, исполненный И. М. Волковым, в настоящее время во многом устарел, и поэтому весьма ценно, что в рецензируемой хрестоматии этот перевод значительно исправлен. Уточнения касаются прежде всего социальных терминов. Так, например, в статье 23, где говорится о том, кто отвечает за грабежи, если грабитель не пойман, Волков переводил соответствующий термин как «местность»; в хрестоматии 1936 года он переводится как «город», а в новой хрестоматии, в соответствии с новыми достижениями в изучении древних языков, как «община». Это уточнение весьма важно, так как это место законов показывает, какое значение сохранила община даже во времена I вавилонской династии. Таким же образом уточнена ст. 32 о выкупе общиной пленного воина. Исправлен перевод и таких слов, которые Волков неправильно передавал терминами феодального общества (например, «ленная служба»). Устранен неправильный перевод слова *миг-кенум*, которое Волков переводил как «вольноотпущенник», значительно улучшен и стиль перевода как по сравнению с переводом Волкова, так и по сравнению с переводом в хрестоматии 1936 г. Правильно поступили составители хрестоматии, отказавшись от разбивки текста кодекса на искусственные подразделы (как это было сделано в хрестоматии 1936 г.): это дает больше возможностей для самостоятельной работы студентов над этим документом; полностью приведенное вступление и заключение позволяют охарактеризовать политическую обстановку в период правления Хаммурапи.

Сказанное относительно свода законов Хаммурапи можно отнести и к другим кодексам, приведенным в рецензируемой книге (№ 38, 42 и 59). Помещение хеттского

и ассирийского судебников в значительно расширенном виде дает возможность лучше охарактеризовать эти общества и доставляет материал для сопоставления различных законодательных документов, что позволяет сделать интересные выводы.

Как известно, среди египетских источников нет таких экономических документов, как документы древнего Двуречья, не сохранился и кодекс законов древнего Египта; однако умелый подбор древнеегипетских текстов позволяет дать четкую характеристику египетского рабовладельческого строя. В этом отношении наиболее интересны тексты, рисующие положение рабов, ремесленников и членов сельских общин, как например, «Поучение Ахтоя» (№ 11), «Повесть о красноречивом крестьянине» (№ 12), рабочие песенки (№ 24), школьные поучения (№ 30), документ о найме рабыни (№ 22) и, наконец, «Речения Ипувера» (№ 13); последний текст дает развернутую картину восстания бедноты и рабов около 1750 г. до н. э. О размерах рабовладения и его характере можно судить по таким документам, как Большой папирус Гаррис (№ 29), «Учреждение частного землевладения при Осорконе III»¹ (№ 32), «Декрет Сети I из Наури» (№ 25) и Коптосский декрет (№ 8). Последние документы дают также материал для характеристики политического строя. Для этого последнего вопроса очень важны приводимые в хрестоматии древнеегипетские тексты: «Поучение гераклеопольского царя своему сыну» (№ 9) и «Предписание о служебных обязанностях верховного сановника» (№ 21).

Большое место в книге занимают царские летописи Египта, Ассирии, Урарту и древнего Ирана, которые широко освещают военно-грабительские походы захватнической политику правителей рабовладельческих государств древнего Востока.

Особо следует остановиться на двух последних разделах хрестоматии: древней Индии и древнем Китае. Включение этих двух разделов в историю древнего Востока является уже установившейся традицией советской историографии. Ненаучное и тенденциозное противопоставление «классического Востока» странам дальнего Востока не находит места в советской науке, в которой подчеркивается, что для «Индии и Китая, внесших свою долю в сокровищницу общечеловеческой культуры в эпоху зарождения и существования там рабовладельческого строя, характерны те же самые социально-экономические отношения, те же общие законы развития, что и для стран переднего Востока. Все они представляют единое целое — одну формацию» (рецензируемая книга, стр. 10). Сравнительно скудные источники по истории древней Индии, которые до сих пор были очень мало известны широким кругам читателей (даже педагогам и студентам-историкам), в хрестоматии подобраны очень удачно: здесь и описание Индии Мегасфеном и Нерархом, и законы Ману в более полном виде, чем в старой хрестоматии, и сравнительно большой отрывок из Артхашастры; работа над этим текстом позволит дать развернутую характеристику государства времени Чандрагупты.

Совершенно новым отделом, по сравнению со старой хрестоматией, является раздел, посвященный Китаю. Он не только дополнен большим количеством новых текстов, но даже те, которые входили в старую хрестоматию, даны в совершенно новом, улучшенном переводе. Эти документы дают возможность охарактеризовать целый ряд важнейших этапов в истории Китая. Однако по составу документов раздел Китая все еще недостаточен и не соответствует ни богатству древней истории Китая источниками, ни тому значению, которое имеет история Китая, ни тому исключительному интересу, который вызывает сейчас у самых широких масс китайский народ и его история. О древнейшем периоде дают представление только гадательные надписи на костях. Надписи на сосудах не использованы. Династии Чжоу посвящен ряд документов, характеризующих и социальные отношения и политический строй в период ее господства, но совершенно не использована работа акад. Го Мо-жо о древних текстах. Больше внимания уделено социальным реформам и народным восстаниям в древнем Китае. Очень интересен текст о путешествии Чжан-Цяня (№ 90), который в качестве

¹ Чрезвычайно неудачное заглавие. Как можно «учредить» частное землевладение? И неужели же до Осоркона III его в Египте не было?

посла отправляется далеко на запад и попадает в провинцию Анси, т. е. Парфию. Не столь важны для нас злоключения посла, описанные в этом источнике, сколько описание отдельных областей Средней Азии во II—I вв. до н. э. Однако, несмотря на значительное расширение, отдел Китая занимает всего 30 из 340 страниц текста. Теперь, после всемирно-исторической победы китайского народа, когда его истории приобретает еще большее значение, этого, конечно, совершенно недостаточно. Источники по истории Китая так богаты, что, без сомнения, составители легко могли бы подобрать еще ряд документов для характеристики великой страны с непрерывной многотысячелетней исторической традицией. Это расширение можно было бы сделать за счет сокращения некоторых других отделов, в частности, например, раздела древнего Египта, который занимает 110 страниц из 340, т. е. треть (!) всей книги. Зачем было давать три текста, посвященные походам Тутмоса III, полный текст стелы Пианхи и такие большие отрывки из Геродота и Страбона? При всем том некоторые очень важные для истории Египта документы не попали в хрестоматию. Так например, недостаточно освещен период Среднего царства. Для X династии нужно было бы дать надпись Тефьеба, очень интересную с точки зрения развития земледелия на высоких полях, и включить отрывки из надписей гермопольских номархов. Речения Ипувера следовало бы дополнить переводом эрмитажного папируса № 1116 В («Пророчество Ноферреху»), текст которого был переведен много лет назад акад. В. В. Струве (ЗКВ, IV) и почти неизвестен современному читателю. Очень жаль, что опущен VI раздел из папируса Гаррис, в котором очень лаконично излагается рассказ о восстании в конце Нового царства. Также остается непонятным, почему составители совсем пропустили такой большой раздел в истории Египта, как Саисский период. Можно ли считать достаточным освещение его только по летописям Ашшурбанипала? Тем более это вызывает недоумение, что документы эпохи позднего Вавилона нашли свое место в хрестоматии.

Совершенно правильно сделали составители хрестоматии, выделив тексты, касающиеся государства Урарту в самостоятельный раздел. В I тысячелетии до н. э. Урарту играло в Передней Азии значительную роль, его история тесно связана с историей народов советского Закавказья, и документы Урарту представляют большой интерес для советского читателя. Этот раздел также следовало бы по возможности расширить.

Отдел древнего Ирана, по сравнению с хрестоматией 1936 г., несколько пополнен, главным образом за счет переводов из Геродота; из них наибольший интерес представляет описание похода в Скифию. Однако «Антидэвовскую надпись Ксеркса» (стр. 276) можно было бы опустить: она резко отличается от всех текстов своим чисто религиозным характером; исторические выводы, которые из нее можно сделать, не так уж велики и значительны. Было бы гораздо целесообразнее нарушить хронологические границы и поместить документы (хотя бы и более поздние), характеризующие откупную систему, установленную Дарием; ведь в вузовском курсе на этом вопросе приходится довольно подробно останавливаться, и дополнительный документальный материал был бы очень полезен.

Как крупный недостаток хрестоматии следует отметить отсутствие единообразия в переводах терминов: так, например, один и тот же термин h_3tj переводится то как «визирь», то как «верховный сановник», в одном месте шумерийский правитель назван «патеси» и в скобках «энси», в другом — наоборот; египетские имена даются то в греческой, то в египетской транскрипции (Хеопс, Пиопи, но Меренра, Тети). Не унифицированы и меры длины (плетры, футы).

Неудачен перевод и термина h_3tj словом «князь»; его лучше было бы оставить без перевода (как это правильно сделано в отношении термина «херихеб») или, в крайнем случае, дать рядом с переводом в скобках египетское слово. С другой стороны, необходимо было дать пояснения к такому, например, термину, как «единственный друг фараона», без чего читатель может не понять, что это придворный титул.

Понимание текстов до некоторой степени облегчается небольшими вводными замечаниями (леммами), помещенными перед каждым документом. В основном леммы раскрывают исторический смысл источника, указывают его происхождение, очень

часто место, где он находится, определяют его значение для характеристики отдельных исторических событий или общественных отношений. Однако не все леммы равноценны. Так, например, лемма к отчету надзирателя (№ 36) слишком кратка, необходимо было бы более подробно объяснить, по какому принципу строилась отчетность; без этого смысл документа мало понятен читателю. Гораздо больше внимания следовало бы уделить вводной части такого значительного памятника, как кодекс Хаммурапи, наметив те стороны общественно-политической жизни, которые могут быть освещены на основании его законов. Также следовало бы увеличить леммы, относящиеся к частно-правовым документам (№ 41) и к истории Ассирии (№ 49). В разделе «Урарту» почти все документы помещены без лемм. В лучшем случае — это краткая справка о том, на каком языке написан данный текст. Весьма кратки пояснительные замечания к китайским текстам (кроме № 85 и № 90), а между тем история древнего Китая так же мало известна широкому кругу читателей, как и история Египта, хеттов и других стран, к текстам которых составители правильно нашли нужным дать более или менее подробные пояснения.

Раскрытию содержания текста должны служить и комментарии, помещенные в конце каждого документа. Однако не всегда эти комментарии отвечают своему назначению. В основном в комментариях находят свое объяснение имена царей, географические названия и далеко не все специфические термины. В комментариях должны быть даны такие пояснения, которые раскрывают смысл текста, объясняют древние обряды и обычаи, непонятные выражения (а не только термины) и намеки на исторические события. Так, например, в египетских анналах (№ 3) необходимо дать объяснение значения четырехугольника на Палермском камне (стр. 30), подробнее раскрыть смысл термина «счисление» (там же); в Коптосском декрете (№ 8) надо было объяснить, что за декларации имеются в виду в переводе, и еще важнее было бы объяснить, почему после § 6, который как бы завершает декрет, в § 7 снова перечисляются льготы. Следовало объяснить, какое значение имеет выражение «человек... с которым ты (т. е. сын фараона) пел писания» (стр. 47). Вряд ли понятно неспециалистам, что под выражением «пел писания» подразумевается обучение в школе, где тексты читались нараспев. Необходимо было бы подробно пояснить статьи 40, 41 и 71 судебника Хаммурапи. Число примеров, где надо усилить комментарий, можно было бы увеличить во много раз, но и сказанного достаточно.

Необходимы такие комментарии, которые давали бы не только объяснение непонятных слов и названий, но помогли бы читателю понять смысл изучаемого текста и его специфику. Это тем более желательно, что переводы текстов, судя по некоторым из них, очень близки к подлиннику, и поэтому смысл их не всегда понятен широкому читателю.

Что касается точности перевода и соответствия его с подлинником, то для подробного анализа этого рецензент должен был бы произвести сверку всех текстов с переводом, что, конечно, совершенно невозможно сделать в короткий срок. Во-первых, нет такого человека, который знал бы все языки, на которых написаны подлинники помещенных в хрестоматии переводов; во-вторых, сверка даже только тех текстов, языком которых владеет рецензент, потребовала бы такой же работы и такого же количества времени, которые были необходимы переводчикам для их переводов. Судя по некоторым документам, точность переводов значительно увеличена по сравнению с хрестоматией 1936 г. Имена переводчиков, эрудированных ученых, хорошо владеющих древними языками, являются залогом того, что переводы сделаны тщательно и по возможности точно. Может быть, лишь в некоторых случаях лучше было бы пользоваться самым последним изданием документа, а не более ранним, уже успевшим устареть. Так например, перевод автобиографии Метена (№ 4, стр. 32—33) сделан по изданию 1903 г., тогда как есть второе издание, имеющее некоторые изменения по сравнению со старым.

Точности перевода не должны, однако, приноситься в жертву законы русского синтаксиса; во всяком случае, абсолютно необходимо, чтобы перевод был понятен для читателя. Если этого нельзя достичь при переводе некоторых темных мест в тексте, то

их необходимо пояснять в скобках или в комментариях. Трудны для понимания многие слишком дословно переведенные тексты, как например, «Анналы» (№ 3), надпись Метена (№ 4), целый ряд ассирио-вавилонских документов; очень тяжел местами стиль переводов греческих текстов. К образцам тяжелого стиля принадлежат и такие: «они работают для меня как один, обложенные податями в виде тьмы тем многообразных вещей „Отрогов земли“ и бессчетным количеством золота из Уауат» (стр. 80); «... и роскошной верхушкой для пирамиды: „Является и милостив Меренра“, госпожи» (стр. 39), — трудно догадаться, что речь идет о «пирамиде госпожи», а «является и милостив Меренра» — это название пирамиды. Трудно разобраться в абзаце на стр. 190, где речь идет о сестре вавилонского царя, отданной в жены египетскому фараону. Можно было бы привести много подобных примеров, когда тяжелый язык переводов затрудняет понимание смысла документа. Этим недостатком меньше других грешат переводы М. Матве и Л. Позднеевой.

Несколько торжественный стиль древних текстов повлиял и на язык вводных замечаний. Мы нередко встречаем такие слова, как «начертаны» вместо «написаны» или «высечены», «повествует» вместо «рассказывает» и т. п.

Особо следует остановиться на методических указаниях для учителей, которыми начинается каждый отдел. Эта часть является самым слабым местом книги. По своему характеру хрестоматия, как правило, рассчитана на студентов исторических факультетов. Без сомнения, ряд документов может быть использован и учителем на уроках истории в средней школе, и здесь ему, конечно, надо придти на помощь. Но в какой мере методические указания оказывают эту помощь? Мне думается, что в очень небольшой. Имеются очень подробные указания, какие тексты должны быть подобраны к отдельным темам. Но методика работы над документом в большинстве случаев отсутствует. Ее не могут заменить такие фразы: «Учитель должен пересказать его (т. е. текст) своими словами» (стр. 23), или «для этого нужно умело поставить вопросы» (все вопросы учитель должен ставить «умело»)¹. Вряд ли учитель нуждается в указании, что он должен пользоваться картой на уроках истории (стр. 23, 136 и т. д.). В разделе Двуречья рекомендуется для самостоятельной, внеклассной работы учащихся надпись Урукагины (стр. 138) и «Запросы оракулу по политическим делам» в связи с вторжением киммерийцев (№ 47). И надпись Урукагины и второй текст настолько сложны, что без помощи руководителя в них не разберутся не только дети 11—12 лет, но и студенты. Можно многое еще сказать на эту тему, но вывод и так уже ясен — методические указания для учителя, данные в книге, не отвечают поставленной задаче. Педагог может использовать и, без сомнения, использует ряд текстов на своих уроках в школе, но вряд ли ему так уже нужны такие методические указания. Гораздо лучше было бы вместо этого дать разработанную методику работы над первоисточником, показать на нескольких образцах методику критики и анализа исторического документа. Эти указания были бы полезны в равной мере и студенту и учителю средней школы.

В рецензируемой книге, как и во многих других, не удалось избежать опечаток, из которых особенно бросается в глаза опечатка на 39 стр. («Никольские пороги!»). Не всегда удачно составлены подзаголовки, полезность которых вообще весьма сомнительна: нигде в книге не оговорено, что эти подзаголовки введены переводчиками и не принадлежат к древним текстам; тем самым читатель может быть введен в заблуждение. Кстати сказать, на эти подзаголовки ушло очень много места, которому можно было бы найти более полезное применение. небрежно составлено оглавление как по существу (почему ассирийские законы попали в раздел «Шумерийские документы хозяйственной отчетности?»), так и в техническом отношении (разные шрифты заголовков).

¹ Сами авторы эти вопросы формулируют недостаточно «умело» применительно к учащемуся V класса; например, вопросы по кодексу законов Хаммурапи (стр. 137) очень трудны для ребят.

Говоря же о книге в целом, необходимо подчеркнуть, что она дает очень хороший и для большинства отделов продуманно подобранный материал по истории древнего Востока. Книга, несомненно, послужит углублению и повышению исторической культуры советского студента, педагога и широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории. Досадные недочеты книги могут быть более или менее легко устранены, а самое трудное — подбор и перевод документов выполнены достаточно хорошо. Остается только пожелать, чтобы при переиздании книги был значительно расширен отдел древней истории Китая.

Р. И. Рубинштейн

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ УНИВЕРСИТЕТОВ И ПЕДИНСТИТУТОВ ЗА 1949—1950 гг.

УЗ МГУ, вып. 143, 1950

Рассматриваемый выпуск полностью посвящен различным проблемам, связанным с историей древнего мира. В нем содержатся следующие статьи: Н. А. Машкин «Август и сенаторское сословие»; С. И. Протасова «Античная традиция о спартаковском восстании»; А. Г. Бокщанин «Иудейские восстания II века н. э.»; Н. Н. Пикус «О форме и содержании *Parurgus Tebtunis 703*»; В. С. Соколов «Тит Лукреций Кар».

Работа покойного Н. А. М а ш к и н а (стр. 3—26) представляет собой серьезное исследование, относящееся к важному и переломному моменту в истории древнего Рима. Автор начинает с исследования политических настроений римских сенаторов во время проскрипций. После детального разбора ряда источников, в том числе надгробной надписи в честь знатной римлянки *Laudatio Turiae*, Н. А. Машкин указал, что все идеалы римской знати заключались в лозунгах: *pietas et fides*. Одновременно «с замирением вселенной восстанавливался, с точки зрения сторонников Августа, и тот порядок, который разумелся под лозунгами *pietas et fides*. Эти лозунги объединили, таким образом, вокруг Августа различные привилегированные слои римского общества и, прежде всего, сенаторское сословие» (стр. 10).

На целом ряде примеров автор дает характеристику сенаторского сословия и отмечает, что оно было неоднородным по своему составу. Затем подробно исследуются мероприятия, которые проводились Августом для того, чтобы привлечь на свою сторону сенаторов и поддержать знать как высшее сословие государства. Подчеркивается, что, наряду с дарованием привилегий, Август усиливал контроль над отдельными сенаторами и проводил мероприятия, мешающие знати приобретать популярность у плебса. Вместе с тем обращается внимание на то, что, несмотря на все попытки, не было достигнуто единства интересов принцепса и сенаторского сословия (стр. 20). Исследуя характер сенатской оппозиции против Августа, Н. А. Машкин предостерегает от ее преувеличения, ибо она не представляла значительной угрозы существующему политическому строю.

Автор убедительно критикует ряд теорий, предложенных буржуазными учеными, в частности, оценку перехода к империи как революции. «В действительности, в гражданских войнах 43—30 гг. до н. э. не было ничего революционного, и принципат утвердился потому, что рабовладельцы стремились к гражданскому миру, а вместе с тем и к подавлению попыток восстаний рабов и движений свободной бедноты, которые и были действительными революционными выступлениями» (стр. 25—26).

Статья Н. А. Машкина прекрасно аргументирована и представляет собой образец тщательного научного исследования.